

«НЕПОДЛИННОСТЬ» КАК ОСНОВНОЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ КРИЗИСА ПЕРЕМЕН (НА ОСНОВЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО ПАМЯТНИКА «КНИГА ПЕСЕН»)

Лу Цзин

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 14 октября 2022 г.

Аннотация: в данном случае мы касаемся одного из основных доктринальных, философских аспектов «Книги песен», а именно кризиса идентичности, многомерно проявляющегося на фоне эпохальных исторических перемен. Особое внимание уделено универсальности (вневременности и надлокальности) исторической и психологической канвы текстов «Книги песен», своего рода паттерна нарастания и переживания кризиса перемен. Тем самым подчеркивается современная актуальность древнего китайского памятника

Ключевые слова: «Книга песен», кризис перемен, кризис идентичности, подлинное-неподлинное.

Abstract: in this case, we are dealing with one of the main doctrinal, philosophical aspects of the “Book of Songs”, namely the identity crisis, which manifests itself in many dimensions against the background of epochal historical changes. Special attention is paid to the universality (timelessness and supra-locality) of the historical and psychological canvas of the texts of the “Book of Songs”, a kind of pattern of the growth and experience of the crisis of change. Thus, the modern relevance of the ancient Chinese monument is emphasized.

Keywords: “Book of Songs”, crisis of change, crisis of identity, authentic-inauthentic.

Наиболее выдающиеся литературные артефакты стали таковыми благодаря запечатлению кардинальных исторических сдвигов в определенных культурно-географических ареалах: исторический кризис обнажает предельные основания бытия, локальные противоречия обретают универсальный характер, эпический размах и звучание волнуют через время и пространство. Таковы объединяющие начала мировых эпосов от «Махабхараты» и «Песни о Нибелунгах» до эпических саг Новейшего времени (Т. Манн, У. Фолкнер, Р. Роллан, Г. Г. Маркес). Особенность современной нам ситуации в том, что, перманентно переживая кризисы глобализационного порядка, геополитические и ментальные, мы не имеем возможности стороннего и тем самым объективного лицезрения-осознания их посредством артефактов традиционного уровня охвата, глубины, эмоционального воздействия: эпический формат сегодня не в тренде. Между тем, как показывает обобщенное содержание эпосов «перемен», основное болезненное следствие последних — кризис идентичности. Отсутствие «зеркального» отражения — как личностей, так и социальных групп, — влечет за собой кризис в разы больше и глубже.

На этом фоне особая роль принадлежит уже имеющимся художественным (поэтическим и прозаическим) свидетельствам кризисов перемен — и не только эпосам. Прочитанные соответствующим образом

заинтересованно, даже «узкие», камерные артефакты при сопоставлении их с другими камерными же, им близкими, рецептивно способны приблизиться к многослойным универсальным классическим текстам, предоставив нам необходимый опыт зеркального отражения, идентифицирующей поддержки в мире ускользающих основ.

Кризис идентичности — один из основных маркеров эпох перемен и запечатлевших их творений — значимый элемент китайского древнейшего поэтического эпоса «Книга песен» («Ши цзин», 诗经) [1], второй части конфуцианского пятикнижного канона «Книга перемен» («У цзин», 易经). Классическое понимание перемен как символа времени в целом — движения, развития, становления в опоре на истоках — «Книга песен» как бы выносит за скобки и полагает отражаемые ею перемены как антионтологический, антиэкзистенциальный феномен, которого и касается знаменитое древнее китайское проклятие: «Жить тебе во время перемен!» Перемены в доимперском и раннесредневековом Китае XVIII–II вв. до н.э. создателями «Книги песен» виделись как процесс постепенного опустения «тела» рода, центром и будущим которого прежде были дети. «Мужское — отцовское — вертикальное начало ян разрушается и на его месте вырастает государственная иерархическая вертикаль», вертикаль искусственная. Поскольку природа, род и первоначально мыслились как единое космологическое целое («генетическая триада Дао»), пустота внутри

одной из частей разрушала целое, порождая «хаос Поднебесной» [2, 11], — таково было основание видеть в исторических переменных не столько суть времени и бытия, сколько онтологическое зло.

«Книга песен» («Ши цзин») — свод стихотворных произведений, иллюстрирующих китайскую действительность эпохи становления государственности в непрерывной череде войн, мобилизаций, падения моральных устоев как социальной элиты, так и «низов». Логико-хронологическая последовательность проявлений этого кризиса демонстрирует картину, на которой тесно сплелись «мазки» социального, морального и психологического характера. Примечательно, что последовательность уже, «сама собой», содержится в тексте «Ши Цзина», так что остается только ее обобщить с целью дальнейшего «наложения» на исторический кризис как таковой, в том числе рубеж XIX–XX вв. (фр. *fin de siècle*, «конец века»), первую треть XX века («красный террор») и наш миллениум.

Все начинается с экспансивных амбиций более или менее влиятельных княжеств и развертываемого ими военного призыва (династии Ся, XXI–XVII вв. до н.э., и Шан, XVII–XI вв. до н.э.). Практически половину первой части четырехчастного «Ши цзина» пронизывает мотив ожидания: поначалу недоуменного, затем все более тоскливого и горестного ожидания женами и невестами своих ушедших воевать мужчин («Тоска о муже, посланном в поход», I, V, 8; «Тоска о муже», I, VI, 2; «В ожидании мужа, ушедшего в поход», II, I, 9). Рядом — горе престарелых родителей, покинутых призванными на военную службу сыновьями. Горе усилено угрозой голода из-за отсутствия достаточного количества рабочих рук, поскольку на войне — самые трудоспособные: «Нельзя нерадиво служить — и в полях / Ни рис, ни маис в этот год не растут. / Отец мой и мать где пищу найдут? / О дальнее синее небо, верни / Солдату привычный труд!» («Гуси», I, X, 8).

Фактическое разобщение семьи сопровождается психологическим разобщением и, как следствие, стрессом идентичности, касающимся последовательно всех акторов процесса нарастающих перемен: оставленных жен и родителей, осиротевших детей, выданных замуж на чужбину девушек, оторванных от семьи и родины «призывников», презревших благо народа правителей и народа как такового.

Налицо и то, что современная история называется геноцидом: массовая гибель наиболее сильных и трудоспособных представителей народа — как в битвах, так и при ритуальных захоронениях князей-полководцев (вплоть до первого императора Цинь Шихуанди, III в. до н.э.). Оставшиеся в живых войны часто не имели средств и сил вернуться на родину: с одной стороны — личная трагедия, с другой — один из факторов отсутствия почвы общественной консолидации («Песнь об одиноком дереве», I, X, 6;

«Песня о войне, изнемогшем в походе», II, VIII, 6). Другой фактор: в княжествах завоеванных народ составляли (или, скорее, не составляли) загнанные в угол «свои» и ненавидимые «чужие», в княжествах-агрессорах — свободные «местные» и привезенные рабы. Практиковалась и миграция на чужбину из-за нарастающего до крайности материального неблагополучия на родине — это касалось и княжеств-агрессоров, и их жертв: «Ты, большая мышь, жадна, / Моего не ешь пшеница. / Мы трудились — ты хоть раз / Бросить взгляд могла б на нас. / Кинем мы твои поля — / Есть счастливая земля, / Да, счастливая земля! / В той земле, в краю чужом / Мы найдем свой новый дом» («Большая мышь», I, X, 7).

Следующий этап нарастающего исторического кризиса — прогрессирование государственной машины, усиленной за счет завоевательных походов: разрастание чиновничьего аппарата, гигантские инженерные проекты (Великая китайская стена, циклопические мавзолеи-усыпальницы князей). Падение морали (на предыдущем этапе — в первую очередь семейных устоев) продолжается за счет ментальной деградации в чиновничье-бюрократической среде: древний автор говорит о «сплетении лжи, смуты и клеветы» («Ода о клеветниках», II, V, 4). Укрепление института бюрократии влечет за собой дальнейшее обнищание «низов», вынужденных оплачивать роскошный образ жизни чиновников всех уровней («Ходят они на приемы», I, XIV, 2). Социальное разобщение и расслоение сопровождается всё углубляющимся разобщением на уровне нации: с целью «рационального» заселения княжеств-гегмонов практикуется насильственное переселение как прежних, так и приобретенных подданных («О знамениях небесных и земных», II, IV, 8).

Что касается особенностей поэтики «Песен перемен», отметим преобладающий настрой тоски, тревоги на фоне сопутствующего мотива холода, оцепенения («Гуси», I, X, 8; «Северный ветер», I, III, 16; «Пал летом белый иней», II, IV, 8). Еще одна особенность — явно выраженное лирическое звучание, акцент на индивидуальных судьбах при том, что в целом памятнику присущ эпически универсальный характер; встретим даже характерное для европейской новейшей литературы романтическое противопоставление героя — миру: «Все люди, я вижу, счастливы кругом, / Зачем только я, одинокий, в тоске?» («Кувшинки-цветы», II, V, 8; аналогичный мотив в «Песне об одиноком дереве», I, X, 6). Значимый элемент поэтики — контраст: как бы в противовес всевозможным проявлениям дисгармонии по тексту памятника относительно равномерно «рассыпаны» зарисовки, сцены, сюжеты, где правит гармония — семейная, интимная, соседская, природная, социальная («Жена сказала», I, VII, 8; «Дева вместе со мной в колеснице», I, VII, 9; «Встреча гостей», II, I, 1; «На пиру», II, II, 10;

«Радость новобрачного», II, VII, 4; «Широкое поле», II, VI, 7; «Пир у старшего в роде», III, VII, 3). Самый значительный пласт «контрастных» стихов содержит 3-я и 4-я часть «Книги песен»: это — идеализация прошлого на фоне потрясений настоящего. Славные дела представителей княжеских домов и благочестивых советников особенно важно было подчеркнуть во время смут и бед: «Я полных достоинства наших царей / Забыть не могу, хоть они далеки» («Разлив реки Хуай», II, VI, 4).

Итак, основной характер древнекитайского кризиса перемен — многоуровневая деградация на фоне усиления государственной власти и прогрессирования ее централизации. Деградация вокруг- и околовластной «периферии» (властей предержавных и подданных) — феномен как личностно-психологического, так и социально-национального плана. Главное общее начало здесь — кризис идентичности, многоуровневую сущность которого лучше передает понятие «неподлинность» (Uneigentlichkeit), многожды интерпретированное немецким философом Мартином Хайдеггером в индивидуальном и коллективных смыслах, определяемое в целом как показатель ущербности, маркер не бытия, но существования, когда «прихоть других распоряжается повседневными бытийными возможностями» [3]. Человек (от поденщика до князя), любой коллектив (от семьи до нации как таковой), живя «по распоряжению» не зависящих от них перемен, ста-

новятся чем-то вроде фикции («теряют себя», говорят в этом случае русские; «теряют лицо», говорят китайцы). В этом контексте Хайдеггер не случайно говорит об «отрешенности от вещей и открытости для тайны» [4] как основаниях преодоления фиктивного существования, обретения подлинности. «Самородно-подлинное родится лишь тогда, когда человек одинаково и по-настоящему готов исполнять веления превышних небес и хорониться под защитой несущей его на себе земли» [5, 239] — это можно прочесть как метафору и экзистенциального равновесия, и социопсихологической стабильности, «антигенов» безоглядных перемен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Режим доступа <https://www.rulit.me/books/shiczin-read-517260-1.html>
2. Лукьянов А. Е. ДАО «Книги перемен» / А. Е. Лукьянов. — М.: ИНСАН. 1993. — 240 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В. В. Бибихина. — Харьков: Фолио, 2003. — 503 с.
4. Мартин Хайдеггер. Отрешенность / М. Хайдеггер; Перевод с издания: Heidegger Martin. Gelassenheit. Gunther Neske. Pfullingen, 1959. S. 11–281. А. Г. Солодовникова, перевод, 1991. — Режим доступа: http://lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt_with-big-pictures.html
5. Хайдеггер М. Проселок / М. Хайдеггер // Работы и размышления разных лет. Пер. с нем. А. В. Михайлова. — М.: Гнозис, 1993. — С. 238–241.

*Белорусский государственный университет
Лу Цзин, аспирантка кафедры русской литературы
E-mail: 723311545@qq.com*

*Belarusian State University
Lu Jing, PhD student of the Department of Russian Literature
E mail: 723311545@qq.com*